

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 378:1
DOI 10.20339/AM.03-24.009

В.Н. Жуков,
д-р филос. наук, профессор, г. Москва
e-mail: vadimnzhukov@gmail.com

ОБ ЭЛИТАРНОСТИ ИСТИННОЙ И МНИМОЙ

Памяти профессора Сивоконь Павла Елизаровича

В статье рассматривается вопрос о соотношении элитарности образования и его научного уровня, о специфике научной элитарности. Критически анализируется сформировавшееся в 90-е годы отношение к образованию в России.

Ключевые слова: образование, карьера, элитарность образования.

ABOUT ELITISM TRUE AND IMAGINARY

Vadim N. Zhukov, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow, e-mail: vadimnzhukov@gmail.com

The article deals with the issue of the correlation between the elitism of education and its scientific level, the specifics of scientific elitism, and critically analyzes the attitude to education in Russia formed in the 90s.

Keywords: education, career, elitism of education

Авторитет — это молчаливое царствование
без царских почестей
Йоганн Кеплер

За прошедшие десятилетия после 1991 г. в высшем образовании было столько всего «нареформировано», что многие с внутренним облегчением и надеждой восприняли призыв президента РФ Путина В.В. о необходимости вернуться к традиционным основам высшего образования. Была даже анонсирована новая концепция высшего образования на заседании Российского совета ректоров.

Насколько информация доступна автору этих строк, по сути дела сохраняется разделение высшего образования в России на первую и вторую ступень, соответствующие бакалавриату и магистратуре, — базовое, или основное образование. Аспирантура как была отдельно, на «особых правах», так и остается.

Само основное «зерно» высшего образования оказывается по-прежнему разделенным на две половины. При этом постоянно заявляется, что и до сего дня магистратура осталась по содержанию не чем иным, как продолжением базового уровня. И вот об этом хочется сказать несколько слов, напомнив некоторые факты.

Советская и западная модель образования

Само разделение высшего образования на бакалавриат и магистратуру сформировалось в ходе развития именно западного университетского образования, — и это всем известный факт. Такое разделение было выработано, порождено самим ходом развития именно западного менталитета, западной системы образования, которое родилось изнутри ее эволюции. Нам тут же возразят, что магистратура была и в российском образовании до 1917 г. Это, конечно, верно, но всё же пика своего развития высшее образование достигло в Советской России после 1917 г., а за образец принято принимать что-то наиболее высокое в прошлом.

Да, на Западе разделение высшего образования на ступени — дело традиционнейшее и родное, но у нас не только нет такой многовековой традиции разделения (что очень хорошо), но и высшие достижения нашего отечественного вуза связаны именно с советским периодом, когда не было такого разделения. Почему так получилось?

Не вдаваясь в политические аспекты, хотелось бы обратить внимание на одну из важнейших причин высокого уровня советского образования и науки, о чем у нас почти

не пишут. Это совпадение, внутреннее единство тех демократических преобразований, которые стали происходить в стране после революции 1917 г. (при всех трагических поворотах этого периода), и такого же внутреннего демократического характера самого научного знания и высшего образования, где все равны перед истиной и ни деньги, ни происхождение не дают никакого преимущества в ее достижении и развитии. Проще говоря, внутренний (выражаясь тяжелым академическим языком) имплицитный демократизм самого научного знания как бы совпал, естественно слился с демократическими преобразованиями общества. Научное знание, научный прогресс – один из истоков подлинного равенства, где все равны перед истиной. В этом – одна из важнейших глубинных причин взлета советской науки и высшего образования.

Но в таком случае единственно возможная элитарность в науке, как ни парадоксально это прозвучит на первый взгляд, – только «элитарность» научного демократизма; единственно возможный «аристократизм» в науке – это *аристократизм равенства перед истиной в адекватности ее понимания, развития и реализации*. Никакого другого аристократизма или элитарности наука никогда не знала и знать не будет. Истинная элитарность в науке всегда проста и демократически глубока. Она никогда не требует для себя искусственного выделения, никогда не натягивает и не раздувает свое значение намеренно, что так характерно для разных видимых, пустых, внешних и показушных форм элитарности.

Вот этот «внутренний нерв» развития научного образования был прекрасно понят советскими руководителями. Но отсюда следует важный вывод: любой извне навязанный науке аристократизм, любая извне навязанная науке элитарность всегда будет органически чужда развитию научного (т.е. высшего) образования, окажется бесплодной; рано или поздно, но обязательно она будет отторгнута самой внутренней природой развития знания. Или – приведет к его деградации.

Нам возражат – а как же быть с развитием западного университета, который сформировался в латинском мире (прежде всего в Италии и Франции)? Разве там не руководствовались знаменитым *procul este profani* – «отойдите, непосвященные»? Разве там не было разделения и элитарности? Да, всё это было в Средние и поздние Средние века, но вспомним, в каком состоянии были эти знаменитые латинские университеты уже в Новое время. Совсем не случайно М.В. Ломоносов (да и не только он) учился в Германии, где высшее образование было, если так можно сказать, максимально демократическим (для того времени, конечно). И при организации Московского университета, соответственно, не было никакой нужды брать пример с отстающего, насквозь аристократизированного латинского мира.

Констатация внутреннего демократического характера науки на первый взгляд кажется какой-то банальной истиной, но от понимания (или недостаточного понимания) этой истины зависит очень многое, в том числе и перспективы развития высшего образования у нас, в России.

Вспомним восьмидесятые годы (да и ранее), когда целый ряд очень юрких и пустых людей (обычно с грехом пополам закончивших какой-то вуз) доказывали нам, что-де советское высшее образование никуда не годится, что наши дипломы нигде не ценятся и т.д. В 90-е эти разговорчивые люди вышли на широкую трибуну и понесли свои «особые мнения» в народ. А сейчас – кто не знает этого – десятки тысяч специалистов, получивших образование в СССР, были с восторгом приняты на Западе. В основном это были те самые университетские специалисты, которые сформировались в советской системе высшего образования с ее культом научного демократизма и научной доказательности как в гуманитарной, так и в естественно-научной сфере.

Или вот еще один пример. Как уже говорилось выше, несколько лет утверждают, что магистратура, по-прежнему оставаясь лишь продолжением базового образования, так и не выполнила возложенные на нее задачи. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующее.

Общая мировоззренческая характеристика, специфика мировосприятия российского человека, в том числе и студента, сильно отличается от мировосприятия человека Запада в том числе изначальным, сознательным или бессознательным, стремлением к единству в самом широком смысле этого слова, – стремлением к тому, чтобы во всех областях жизни, в том числе и в науке, видеть главное; видеть не механическую совокупность частей, но производное от этого всё объединяющего главного и основного. Такое стремление к «объединяющему централизму», к своеобразной «союзности» вещей, к естественной целостности явлений лежит в крови и русского и российского человека. Поэтому так легко, хорошо и плодотворно легла на ум и душу нашего человека целостная (при всех ее недостатках) советская система высшего образования.

...Трудно забыть автору этих строк впечатление своих детских лет (конец 50-х – начало 60-х годов), когда на улицах города я видел счастливейших людей – студентов-выпускников, с гордостью впервые надевших ромбики («поплавки») об окончании вуза. Многие носили их не только в этот торжественный день, но и потом, всю жизнь. Это было не менее почетно, чем иметь медаль. Ведь человек получил не просто специальность, а именно высшее, т.е. предельно возможное по своему уровню и качеству образование. И это было, конечно, счастьем.

А вот теперь первая ступень — это что, будет какое-то «околовысшее образование», а настоящее высшее только у магистров? И ромбики, наверное, у одних будут поменьше, а у других — побольше? Но если серьезно, то такое разделение-раздвоение соответствует ли нашим национальным традициям в образовании? Такое искусственное введение оттенка элитарности в раздвоение образования — соответствует ли традиционному мироощущению российского гражданина? И, может быть, за прошедшие четверть века магистратура совсем не случайно не может «найти себя» в нашем образовании? Но тогда речь должна идти, конечно, не о сведении высшего образования к разделению на базовый и магистерский уровни, а о чем-то другом? Например, о том, чтобы поднять этот базовый уровень до максимально возможного предела, пусть и не равного, но максимально близкого к магистратуре. Тем более что жизнь и так показывает магистратуру только как продолжение базового уровня.

Образование и карьера vs Образование и есть карьера

Наконец, последнее. За прошедшие три десятилетия сформировался и вошел в общественное сознание России штамп «образование и карьера» — штамп, над внутренним смыслом которого не задумываются, считая его естественным и нормальным. Но смысл этого штампа заключается в том, что само образование не просто стало в таком случае неотделимым от карьеры, но именно последняя (успех, удача, пусть и небольшая, но обязательная «звездность» в той или иной области) стала ведущей, главной, основной, наиболее громко звучащей нотой в самом образовании, И, более того, эта нота как бы перекрыла, отодвинула на второй план саму идею серьезного, глубокого образования как такового. Само образование оказалось будто «пристегнутым» к жадной жажде успеха, оказалось необходимым, но лишь подспорьем, трамплином к жизненной удаче.

«Да что же в этом плохого?» — возразят автору этих строк. А то, что в таком случае утрачивается самоценность образования, происходит обесценивание его собственной научной истинности. Никто не против карьерных успехов (заслуженных, конечно), но в высшем (т.е. научном) образовании человек должен прежде всего интересоваться пониманием и поиском истины в той или иной сфере, способностью применить это понимание на практике, в своей специальности и в жизни, а не «искусством» суетливой толкотни за очередной должностью. Карьера может случиться, а может и нет — и в последнем «нет» ничего страшного, т.к. у большинства именно так и получается. Но изначально, с самых первых студенческих лет готовить себя в «гене-

ралы жизни», да еще всячески стимулировать это как бы «за счет» самого образования — разве это и есть развитие образования?

Более того, по своему внутреннему самочувствию, по своей простой и глубокой жизненной ориентации большинство студентов прекрасно понимают жизненную необходимость и ценность той или иной специальности именно в ее применимости к самой обычной практике жизни. Недаром в нашем народе говорится, что «ученье — свет, а неученье — тьма». Эта всем известная пословица и имеет в виду «жизненную нужность», если так можно сказать, образования и знания как такового, а не образования и знания, которое поддержано карьерой. Никогда не говорится в народе, что светом жизни является карьера, а тем более что последней и должно служить само учение, образование.

Не образование и карьера — сама эта связка, превратившаяся в штамп общественного сознания в современной России, должна быть нарушена другим положением, — *само образование и есть карьера*, даже (а может быть, и особенно) в тех случаях, когда никакого видимого карьерного успеха не достигается. И автору этих строк даже как-то неудобно приводить общеизвестные факты о миллионах российских подвижников — учителей, врачей, инженеров, людей других специальностей, которые отправлялись в самые далекие и глухие уголки нашей страны, «в народ», прекрасно понимая, что они отказываются от перспективы той или иной должности в большом городе, и совершенно сознательно шедшие на это. Но в таком отказе от внешнего успеха было, может быть, самое лучшее приобретение.

Именно в катастрофические 90-е годы сформировался этот штамп «образование и карьера» в какой-то «железобетонной» связке и продолжает действовать до сих пор, как бы автоматически выталкивая из себя любого, кто хочет искренне служить своей профессии независимо от карьерного роста. Белая ворона, неудачник, да еще английскую нашлапку «лузер» приклеят обязательно. Ни для кого не секрет, что те, кто следует штампу «образование и карьера» (а по сути дела это означает одно — образование только для карьеры), совсем не стремятся посвятить свою жизнь науке или преподавательской работе в вузе (это тяжелый хлеб), а стремятся к значительно более приятным, легким и выгодным вещам. Пчелиный труд на ниве науки или преподавания привлекает в основном только тех, кто в самом образовании, в самом знании видит самую высокую ценность.

Таким образом, речь идет о *необходимости изменения некоторых аспектов общественного сознания современной России, об изменении самого смысла, внутреннего содержания понятия «успеха» в связи с образованием*. Конечно, это очень трудная задача, но без ее решения невозможно никакое подлинное возрождение образования.

Почему? Прежде всего потому, что само научное, т.е. высшее образование глубоко демократично по своей сущности и подразумевает абсолютное равенство перед знанием, перед истиной. Только в таком случае оно и может развиваться. Если этого не происходит и намеренно вводится какая-то искусственная элитарность или хотя бы претензия на нее, это тут же приводит к разрушению образования, по крайней мере к его деформации.

Вдумаемся в ту ситуацию, которая складывается при наличии той или иной формы элитарности в образовании. Ведь чаще всего бывает так, что сам факт внешней принадлежности к тому или иному элитарному вузу оказывается не чем иным, как только способом компенсации посредственности. Сам факт принадлежности к той или иной элитарной образовательной структуре говорит не о действительных способностях человека, а как бы только приписывает ему эти способности. И наоборот, сам факт отсутствия принадлежности человека к той или иной элитарной образовательной структуре воспринимается окружающими его людьми как изначальный порок, провал, умственный недостаток, хотя на самом деле никакого порока или недостатка у этого человека и нет. Способные оказываются способными и выдающимися по принципу внешней принадлежности к той или иной элитарной образовательной структуре, а не потому, что они действительно обладают этими способностями. Точно так же и неспособные оказываются неспособными не потому, что они действительно неспособны, а потому, что они не принадлежат к той или иной элитарной образовательной структуре, потому, что выбрали «непрестижную» сегодня профессию.

В случае господства того или иного типа внешнего элитаризма в образовании форма оказывается сутью дела и до сути дела уже никому нет никакого дела — прошу извинить за тавтологию. Получается не просто *qui pro quo* (одно становится на место другого), но получается значительно хуже — одно качество выдает себя за другое качество, как бы «переодевается» в него. Ничто так не препятствует рождению истинно научной и преподавательской элиты, как искусственно созданная и стимулируемая элитарность. И ничто так не способствует образованию подлинной научно-образовательной элитарности, как демократический характер развития образования и науки.

Вот всё это и было перевернуто в трагические 90-е годы. И автор этих строк, как и большинство вузовских преподавателей, свидетель этому — когда открывались разные частные вузы (иногда при известных учебных заведениях, а иногда в полузаброшенных школах) с обязательной претензией на ту или иную степень элитарности. Уже само словосочетание «частный вуз» претендовало на

какую-то особость, избранность, что ли. От большинства из них сегодня не осталось и следа, но распространенной особенностью психологии студентов этих вузов было то, что только здесь, только в этом исключительном вузе они получают (ну конечно же!) только эксклюзивное образование. А это в свою очередь подразумевало, что им дадут какую-то такую особую информацию, такое особое знание, которое сразу их выведет в лидеры жизни, чего другие, обыкновенные вузы не сделают. Многие такие вузы исчезли, а вот психологический штамп, внутреннюю склейку, спайку между образованием и карьерой — оставили после себя.

Да, плох тот солдат, который не хочет стать генералом, но еще хуже тот, который и солдатом-то не хочет быть, а сразу метит только в генералы.

Заключение

Три десятилетия Россия находилась, да и сейчас не вышла из-под тяжелейшего англосаксонского пресса с его чисто внешним, поверхностным демократизмом и одновременно каким-то врожденным чувством собственной элитарности и превосходства над всеми остальными. Казалось, что чем больше мы будем подражать этому, тем больше сами будем такими же элитарными, в том числе и в образовании. Нельзя не вспомнить одну из важнейших особенностей англосаксонского образования в целом — выделять только наиболее способных и создавать «кластеры» (какое элегантно-элитарное словечко), где бы учились только избранные и способные («высоколобые», «яйцеголовые», по терминологии самого англосаксонского мира), уже с ранней юности обособленные в будущую элиту. Но ни в коем случае — этого англосаксонский мир боится как огня — не стремиться поднимать всех по мере возможности до максимально высокого уровня. А для неэлитарных и околотовысшего образования будет предостаточно.

И здесь всплывает расхожий в своей пошлой популярности аргумент — да разве люди не различны по своим способностям и задаткам? Но не об этой пустой банальности идет речь, а о том, что тем-то и сильна была советская система высшего образования: она стремилась не оставить всё как есть, не разложить людей по умственным способностям на раз и навсегда данные полочки — одному только школа, другому только колледж, а третьего обязательно «в вышку» и даже в академики, — но стремилась, не уравнивая людей, поднять тех, кто был ниже, — выше, сделать их сильнее и умнее того, кем они часто были в пошлой жизненной наличности, а не оставить их там на всю жизнь. Ведь это и есть истинное развитие, когда люди поднимаются выше, становятся умнее, сильнее, лучше. И в этом был высший демократизм советской системы образования — чтобы

поднять человека в его умственном развитии, а не оставить его существовать в том, что он есть; дать всем абсолютно равные возможности для этого подъема, а не толкать человека к смирению перед наличным положением вещей; не выделять изначально одних в элиту, а других – в «простые».

Это ли не традиционная ценность для нашего образования?

P.S.

Здесь хотелось бы высказать одну мысль. Совершенно очевидно, что сегодня происходит частичный отказ, отторжение тех штампов общественного сознания, которые господствовали в России в 90-е годы – «если ты такой умный, то почему не богатый», «будут деньги – будет всё», «бесплатный сыр бывает только в мышеловке» и т.д. Но вот удивительное дело: ни в социальной философии, ни в социальной психологии мы почти не видим серьезных работ, которые бы анализировали эти изменения нашего общественного сознания, а ведь это актуальнейшая тема. Зато по-прежнему продолжают разрабатывать и печатать статьи по религиозной философии прошлого, хотя даже для горячих сторонников этой философии, кажется, ясно, что никакого ее возрождения в современной России не

произойдет – четвертый десяток лет возрождают и всё никак. Получается странная ситуация: от того, что актуально, отворачиваемся, а тем, что представляет собой интерес только в лучшем случае в историко-философском смысле, занимаемся не жалея сил

Почему так происходит? Думаю, одна из причин заключается в том, что одним из решающих факторов, направляющих развитие современного общественного сознания России в целом, является какое-то всеобщее отождествление древности, прошлого, с одной стороны, и истинности, с другой. Мы являемся свидетелями прямо-таки культа прошлого как единственно возможной истины. Бессознательно или сознательно это отождествление прошлого и истинного, знак равенства между тем и другим приводит к культу прошлого и в науке, и в образовании, не дает видеть настоящего и будущего, просто заслоняет «глаза ума», если воспользоваться выражением Платона, от актуальных проблем. Но ведь очевидно, что наука не может «развиваться назад» – это противоречие в терминах. Если истинно только то, что было в прошлом (как правило, культивируется то, что было до 1917 г.) – то и научное сознание разворачивается в это прошлое, оказываясь беспомощным перед проблемами настоящего и будущего.

